

УДК 811.161.1
DOI 10.52452/19931778_2023_5_191

ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС «КНИГИ ТОЛКОВАНИЙ И ПРАВОУЧЕНИЙ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА В ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2023 г.

А.В. Загуменнов

Вологодская духовная семинария, Вологда

zaw1991@mail.ru

Поступила в редакцию 21.04.2023

Целью статьи является описание экспрессивных синтаксических конструкций в тексте сочинения протопопа Аввакума «Книга толкований и правоучений». В качестве методов исследования привлечены наблюдение, описание, анализ непосредственных составляющих, контекстный анализ. Благодаря им в сочинении протопопа Аввакума выявлены такие экспрессивные средства, как именная тема, парцелированные вопросно-ответные и восклицательные конструкции, включая риторические вопросы и риторические восклицания, лексический повтор с синтаксическим распространением. Доказывается, что для текста «Книги толкований...» характерны не только указанные выше «чистые» типы предложений, но и их комбинация. Это позволяет достигать нужного Аввакуму коммуникативного эффекта, когда синтаксису подчинена и тоника, и фонетика, и морфология. Обосновывается, что экспрессивность характерна для всего сочинения, что в очередной раз доказывает удивительное для семнадцатого столетия стилистическое чутье у протопопа.

Ключевые слова: именная тема, парцелляция, лексический повтор, анафора, экспрессивный синтаксис, текст, языковая личность, Аввакум.

Оборот «экспрессивный синтаксис» может быть понят не только как соответствующий раздел грамматики, изучающий с позиции лингвистики «основы экспрессивной речи» [1, с. 7–8], но и как характеристика построения высказывания, подразумевающая интенсификацию эмоционально-волевого и оценочного компонентов передаваемого содержания [2, 3]. Не случайно отечественная теория языковой личности, в которой человек рассматривается на предмет «его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [4, с. 5], всё чаще обращает внимание на то, какими именно стилистическими средствами пользуется создатель некоторого текста в процессе своей рече- и мыследеятельности [5–10 и другие]. И если в аспекте синтаксиса «Житие...» протопопа Аввакума изучено достаточно подробно [11–14 и другие], то трудов в этой области по «Книге толкований и правоучений» нами не найдено, что подчеркивает актуальность предпринятой работы. Нас интересуют не столько сами экспрессивные конструкции, сколько контекст самого памятника, вызвавший их употребление. Это позволит утверждать о наличии/отсутствии корреляции между описываемыми событиями и стилистическими средствами описания этих событий. Отметим, что в рамках настоящей работы мы остановимся на анализе 1) сегментированных (именительный темы), 2) парцелированных, 3) вопросно-ответных и восклица-

тельных конструкций, а также выявим 4) лексический повтор с синтаксическим распространением [15, 16]. Указанный перечень является базовым для нашей статьи, однако, как показывает анализ, Аввакуму свойственно комбинировать даже экспрессивные средства в границах собственного текстового повествования.

Именная тема в структуре сочинения занимает не последнее место, поскольку этим средством языковая личность подчеркивает границы своего и чужого текстов. «Псаломь Давыдовъ 40» [17, с. 441], и после этого – строки из Псалтыри; «Псаломь 41» [17, с. 441], и следом – цитирование упомянутой Ветхозаветной книги. Как именная тема мы предлагаем рассматривать каждое употребление членов связки «Псаломь:...Толкъ» [17, с. 448], введенные в «Книгу толкований...» по аналогии из памятников экзегетической письменности [ОР РНБ. Ф. 717. ОР Сол. 1044/1153]. Эти сегментированные конструкции, будучи частью весьма специфического жанра, оказываются экспрессивны по той причине, что «аввакумовский» текст, объясняющий стих псалма, не ограничивается исключительно областью интерпретации Псалтыри, вносит элементы современной ему действительности, не ожидаемые в рамках развития рассуждения. В частности, толкуя строку из (Пс. 105:48), Аввакум совершенно неожиданно меняет тон повествования: «Никоніяня-дураки! С Павломъ (здесь подразумевается апо-

стол Павел. – А.З.) вамъ говорю: образумьтєся! Слышите ли прещеніе Господне и огня ревность, поясти всѣхъ хотящаго сопротивныхъ васъ? А коли не слушаете, какъ хотите!» [17, с. 447]. Интерпретируемое высказывание стилистически не равно интерпретирующему высказыванию при формальном соблюдении жанрового разделения «Псаломъ:...Толкъ», которое, будучи сегментировано (именительный темы), оказывается регулятором «тональности» для всего сочинения огнепального протопопа.

Аввакум начинает оперировать восклицательными конструкциями при описании греха, церковного неурядиства, упоминании своих личных врагов. Это могут быть как вставки с образным компонентом («Самъ, что собака бѣшаная, в петлю попаль!» [17, с. 453]), так и комбинация нескольких стилистических приёмов. Например, во фрагменте «прикусны! лутче просвирь! мяско птичье брюшка не пыщитъ!» [17, с. 488] сочетается парцелляция и риторическое восклицание, и это не единственный случай. Иногда подобные средства экспрессивного синтаксиса предшествуют вопросно-ответным конструкциям.

В частности, Аввакум вспоминает об умершем к тому времени царе Алексее Михайловиче, однако не сдерживает тона по отношению к усопшему монарху. Приводим эту часть в сильном сокращении с нашим комментарием, минуя описание справления покойником естественных физиологических потребностей на том свете с уничижительными комментариями протопопа. «Бѣдной, бѣдной, безумное царішко!» [17, с. 574]. Бессоюзная связь объединяет и субстантивированные прилагательные, предполагающие именительный падеж, и диминутив в звательном падеже, в результате которого грамматически возникает диссонанс, повышающий экспрессивность всего высказывания. «Что ты надъ собою здѣлалъ?» [17, с. 574], т.е. почему послушался Никона и утвердил его реформу, получив в награду мучения по ту сторону. Обращает на себя внимание то, что данное предложение единственное с полным предикативным центром предшествует целому каскаду конструкций с умалчиваемым предикатом. «Ну, гдѣ нынѣ свѣтлоблещающіися ризы и уряженіе коней?» [17, с. 574]. Прочтение контекста позволяет усматривать варианты: где ныне есть, где ныне находятся, однако отсутствие глагола грамматически не исключает в вопросе и закреплённости во времени: *где ныне есть, *где ныне были, *где ныне будут. Это касается и последующих конструкций: Гдѣ златоверхіе полаты? Гдѣ строеніе сель любимыхъ? Гдѣ сады и преграды? Гдѣ багряноносная порфира и

вѣнецъ царской, бисеромъ и каменіемъ драгимъ устроень? [17, с. 574–575]. Анафора с применением парцелляции усиливает коммуникативный эффект, метафорически «разгоняя» и «уплотняя» высказывания с отсутствующими глаголами. Собственно, финал приведенного фрагмента – предложение с бессоюзной связью: Гдѣ жезль и мечь, имже содержалъ царствія державу?» [17, с. 574–575]. Данная конструкция, в зависимости от теоретических установок, может быть интерпретирована разными способами. Если придерживаться строгого номинализма (терминизм – вещи существуют после слов), то «жезль и мечь», не совпадающие по лексической семантике, образуют номинативную часть, а «имже содержалъ царствія державу» – определённо личную, поскольку, в силу контекста, может содержать обращение к усопшему царю (имже *ты содержалъ царствія державу). При данной аргументации предложение допустимо идентифицировать как сложное. При этом возможен и другой подход: учёт влияния корпуса Дионисия Ареопажита на самого Аввакума, доступный ему перевод византийских богословов и «погруженность» «Книги толкований» в сакрально-ритуальный массив текстов позволяют интерпретировать анализируемую конструкцию с позиций реализма (идея предшествует вещи). В таком случае союз «и» в части «жезль и мечь» объединяет разные функции одного предмета. Намёк на это усматривается нами в форме творительного падежа единственного числа личного местоимения (имже вместо *имиже). Поскольку данная часть речи указывает на предмет, но не называет его, то с позиций философского (и богословского) реализма синтаксическая конструкция интерпретируется иначе. Личное местоимение, находящееся в творительном падеже с контаминированным (субъектным и орудийным) значением, отсылает на нечто, что в части «жезль и мечь» дано как дескрипция функций единого субъекта. По этой причине нет ни первой («жезль и мечь»), ни второй части (имже содержалъ царствія державу) сложной синтаксической конструкции – в обратной перспективе высказывания перед нами квазиоднородные квазиподлежащие в структуре простого предложения. Даже если допустить «ошибочность» второй трактовки, то её отрицание не снимает вопроса о корреляции «экспрессивности» и сопряжения типов ментальности, в равной степени опредмеченных в стилистических средствах определённой языковой личности переломного периода.

Тесное переплетение восклицательных и вопросительных конструкций в «Книге толкований...» стало очевидным после произведения

Таблица

**Количество восклицательных и вопросительных конструкций
в «Книге...» протопопа Аввакума**

Номер части	1	2	3	4	5
Вопросительные	37	8	4	31	23
Восклицательные	94	31	6	52	50

их формального подсчета. Результаты последнего представлены в таблице.

В первую очередь, это «взывающий» («Отложи блудни сія, душа окаянная!» [17, с. 455]; «Хороши законоучителіе!» [17, с. 467]), а уже потом – «вопрошающий» текст, причем в последнем случае ответ не всегда требуется («обрашеть ли мѣсто покаяніа?» [17, с. 467]). «Книга толкований...» в этом отношении не уступает «Житию...», а по степени насыщенности богословскими смыслами и по уровню сложности структурной организации даже превосходит его.

Весьма изощренным оказывается лексический повтор с синтаксическим распространением, впрочем, опирающийся на все уровни языковой системы для подчеркивания главной мысли. В частности, рассуждая [17, с. 569] о ереси как питии (образ, заимствованный из «Откровения» Иоанна Богослова), Аввакум как языковая личность демонстрирует филигранное понимание стилистических ресурсов: ис трех перстовъ подносит хотящимъ прянова пьянова (созвучие на паронимии. – А.З.) питія и без ума всѣхъ творить, испившихъ (разрыв древней «синкреты» [19] ‘питіе пить’. – А.З.) ис кукиша десныя руки. <...> тяжела-су просыпка-та пившему чашу сію (отказ от варианта с постпозицией *чашу-ту в пользу устойчивого оборота из Евангелия. – А.З.) <...> Бѣда-су міру бѣдному отъ сего питія! И нехотящихъ поятъ (апелляция к этимологической форме посредством ввода глагола. – А.З.), силою на лобъ воротить попь (переход на пятистопный хорей с ассонансом на ударном «о», появившемся в предложении вместе с глаголом «поят». – А.З.). Все предложения даны огнепальным протопопом в реальной модальности, представленной различными интонационными конструкциями.

Предваряя выводы нашего очерка, мы напомним, что идеолог старообрядчества в хрестоматийных фрагментах «Жития...» утверждал, что ни риторика, ни философия им не изучались, но, вероятно, в этом была доля некоторого лукавства. Наш анализ позволяет утверждать обратное: риторические вопросы (и анафора в вопросительных конструкциях), риторические восклицания, осложнение высказывания образным компонентом при сравнении или описании – всё это говорит в пользу значительного и намеренного усиления экспрессии синтаксиса

в сочинении. Более того, именительный темы в самом произведении закреплён не только за узкофункциональным жанром толкования (Псаломъ – Толкъ), но и встречается в названии прецедентных ветхозаветных текстов («Псаломъ Давыдовъ 40» [17, с. 441]). Подобное употребление стилистического средства не объясняется грамматически – это выбор языковой личности, это знание языковой личности и понимание традиции языковой личностью. Текст «Книги толкований» не только принципиально экспрессивен (доминируют восклицательные конструкции), он принципиально персоналистичен. Во всех приведенных для анализа фрагментах отклонение от спокойного повествования наблюдается в тех моментах, когда Аввакум обращается к сторонникам реформы Никона, к людям, вносящим неурядицу в церковный быт и жизнь. По этой причине его экспрессию (в том числе синтаксиса) можно охарактеризовать как «воинствующую», служащую целям апологии русского православия.

Список литературы

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1984.
2. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: Опыт систем. исслед. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981.
3. Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. М: Языки славянской культуры, 2006. 560 с.
4. Богин Г.И. Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 1. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009.
5. Левоненко О.А. Языковая личность в электронном гипертексте: На материале экспрессивного синтаксиса ведущих электронных жанров: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2004.
6. Куроедова М.А. Экспрессивный синтаксис как средство выражения личностного начала публициста // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 48. С. 15–17.
7. Шаталова О.В. Синтаксическая характеристика языковой личности: Дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2012.
8. Михайлюк Ю.В. Экспрессивные синтаксические конструкции как основные параметры речевого портрета школьника // Научная мысль Кавказа. 2013. № 1 (73). С. 151–155.

9. Ружицкий И.В. Языковая личность Ф.М. Достоевского: лексикографическое представление: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015.
10. Миронова Е.А. Специфика языковой личности протопопа Аввакума (на материале писем и посланий семье) // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 330–338.
11. Виноградов В.В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XIV. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 371–379.
12. Иорданиди С.И. Постпозитивное-Т в языке сочинений протопопа Аввакума (в сравнении с языком писем царя Алексея Михайловича, былин и севернорусскими говорами): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1970.
13. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Книга 1. М.: Наука, 1978.
14. Петров В. Е. Бессоюзные сложные предложения в произведениях протопопа Аввакума: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1987.
15. Панасюк А.Т. К вопросу об экспрессивном значении синтаксических конструкций // Современный русский язык и методика его преподавания: в 2 ч. Часть 2. Душанбе, 1972. С. 20–29.
16. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1990.
17. Русская историческая библиотека. Санкт-Петербург: [б. и.], 1872–1927. Т. 39: Памятники истории старообрядчества XVII века. Кн. 1. Вып. 1. 1927.
18. Псалтырь толковая с прибавлениями, Кон. XV в. // ОР РНБ. Ф. 717. ОР Сол. 1044/1153. I + 364 л.
19. Пименова М.В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический фак. СПбГУ; Владимир: Владимирский гос. пед. ун-т, 2007.

**EXPRESSIVE SYNTAX OF THE «BOOK OF INTERPRETATIONS AND MORALS»
BY ARCHPRIEST AVVAKUM IN THE LINGUO-PERSONOLOGICAL ASPECT:
TO THE STATEMENT OF THE PROBLEM**

A.V. Zagumennov

The purpose of the article is to describe the expressive syntactic constructions in the text of the work of Archpriest Avvakum «The Book of Interpretations and Morals». Observation, description, analysis of direct components, contextual analysis are involved as research methods. Thanks to the use of these methods in the work of Archpriest Avvakum, such expressive means as nominative themes, parceled question-answer and exclamatory constructions, including rhetorical questions and rhetorical exclamations, lexical repetition with syntactic distribution were revealed. It is proved that the text of the «Book of Interpretations...» is characterized not only by the above «pure» types of sentences, but also by a combination of these types. This makes it possible to achieve the communicative effect that Avvakum needs, when the tonic, phonetics, and morphology are subject to syntax. Our analysis confirms the expressiveness of the whole work, and once again proves the archpriest's stylistic instinct, surprising for the seventeenth century.

Keywords: expressive syntax, text, language personality, schism, Avvakum.

References

1. Alexandrova O.V. Problems of expressive syntax. On the material of the English language: Textbook. M.: Higher School, 1984.
2. Skovorodnikov A.P. Expressive syntactic constructions of the modern Russian literary language: The experience of systems research. Tomsk: Tomsk University Press, 1981.
3. Tosovich B. Expressive syntax of the verb of the Russian and Serbian/Croatian languages. M.: Languages of Slavic culture, 2006. 560 p.
4. Bogin G.I. Gaining the ability to understand: works of different years. Vol. 1. Tver: Tver State University, 2009.
5. Levonenko O.A. Linguistic personality in electronic hypertext: Based on the expressive syntax of the leading electronic genres: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Taganrog, 2004.
6. Kuroedova M.A. Expressive syntax as a means of expressing the personal principle of a publicist // Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities. 2010. № 48. P. 15–17.
7. Shatalova O.V. Syntactic characteristics of a linguistic personality: Dissertation of the Doctor of Philology. Yelets, 2012.
8. Mikhailiuk Yu.V. Expressive syntactic constructions as the main parameters of a schoolboy's speech portrait // Scientific thought of the Caucasus. 2013. № 1 (73). P. 151–155.
9. Ruzhitsky I.V. Linguistic personality of F.M. Dostoevsky: lexicographic representation: Dissertation of the Doctor of Philology. M., 2015.
10. Mironova E.A. The specifics of the linguistic personality of Archpriest Avvakum (based on letters and messages to the family) // Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: linguistics of creativity. 2018. № 2. P. 330–338.
11. Vinogradov V.V. To the study of the style of Archpriest Avvakum, the principles of his word usage // Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. Vol. XIV. M., L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. P. 371–379.
12. Iordanidi S.I. Postpositive-T in the language of the writings of Archpriest Avvakum (in comparison with the language of the letters of Tsar Alexei Mikhailovich, epics and Northern Russian dialects): Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Tbilisi, 1970.
13. Historical grammar of the Russian language. Syntax. Book 1. M.: Science, 1978.

14. Petrov V. E. Unionless complex sentences in the works of Archpriest Avvakum: Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Voronezh, 1987.

15. Panasyuk A.T. On the question of the expressive meaning of syntactic constructions // Modern Russian language and methods of teaching it: in 2 p. Part 2. Dushanbe, 1972. P. 20–29.

16. Akimova G.N. New in the syntax of the modern Russian language: Textbook. M.: Higher School, 1990.

17. Russian Historical Library. St. Petersburg: [w.p.],

1872–1927. Vol. 39: Monuments of the history of the Old Believers of the XVII century. Book 1. Issue 1. 1927.

18. The explanatory Psalter with additions, the end of the XV century // DM RNL. Coll. 717. OR Sol. 1044/1153. I + 364 l.

19. Pimenova M.V. Decorate with beauty: the expression of aesthetic evaluation in the Old Russian text. St. Petersburg: Philological Faculty. St. Petersburg State University; Vladimir: Vladimir State Pedagogical University, 2007.